

Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія.

Настоящая статья естественно распадается на двѣ части: въ *первой* я передамъ то, о чёмъ говорить голосъ изъ области естествовѣдѣнія,—или въ изложеніи съ незначительными сокращеніями,—или же собственными его словами; во *второй* я попытаюсь, съ своей точки зрењія, истолковать этотъ голосъ и намѣтить область, куда онъ насъ зоветъ.

1.

Отъ кого исходитъ голосъ. Голосъ исходить отъ одного извѣстнаго ученаго специалиста, профессора физиологической химіи въ Базелѣ, Бунге, и раздается изъ его книги, представляющей курсъ физиологической и патологической химіи («Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie» von G. Bunge. Leipzig. 1887). Конечно, меня интересуетъ его книга вовсе не специальнымъ ея содержаніемъ, а небольшимъ отрывкомъ изъ нея, имѣющимъ значеніе для философіи и съ точки зрењія философії. Отрывокъ этотъ составляетъ пер-

вую вступительную лекцію, обращенную почтеннымъ профессоромъ къ своимъ слушателямъ, озаглавленную такъ: «*Витализмъ и механизмъ*».

Что говоритъ голосъ. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ, что физіология «имѣеть своею задачей свѣсти явленія жизни къ законамъ физики и химіи и, въ концѣ концовъ, механики». Но эта задача физіологии, по Бунге, ошибочна и имѣеть своимъ источникомъ только наше недомысліе, въ которомъ мы для наблюденія какъ мертвый, такъ и живой природы употребляемъ одни и тѣ-же органы чувствъ, которые, конечно, ничего другого не воспринимаютъ, какъ явленія движенія. «*Поэтому-то было-бы нелѣпо, говорить Бунге, ожидать, чтобы мы тѣми-же самыми чувствами могли когда-либо открыть въ оживленной природѣ что-либо отличное отъ того, что находимъ въ неоживленной*».

Междудѣмъ для наблюденія живой природы мы имѣемъ осо-бое внутреннее чувство, въ которомъ намъ являются состоянія и событія собственного сознанія. Бунге рѣши-тельно противъ того, чтобы и они были также явленіями движения, и прежде всего указываетъ на то, что даже изъ чувственныхъ нашихъ ощущеній пространственны только ощущенія зрѣнія, осозанія и тѣсно соединенного съ ними мускульного чувства. Остальныя-же ощущенія вмѣстѣ съ чувствованіями, аффектами, стремленіями и безчисленными представленіями не подлежатъ пространственному распо-рядку, а только временному. Значитъ о механизме, по отношенію къ нимъ, и рѣчи быть не можетъ.

«*Итакъ, заключаетъ Бунге, глубочайшее и непосредственнѣе, доступное намъ, проникновеніе въ наше внутреннее существо показываетъ намъ нѣчто совершенно иное, а именно: качества или вещи, не подлежащія пространственному распорядку,—показываетъ намъ явленія, которыхъ ничего не могутъ имѣть общаго со механизмомъ.*».

На это приверженцы механическаго объясненія жизни мо-гутъ сказать и говорять, что чѣмъ далѣе прогрессируетъ физіология, тѣмъ болѣе явленія жизни приводятся въ зави-

симость отъ физическихъ и химическихъ законовъ и что полное примѣненіе ихъ къ этимъ явленіямъ есть только вопросъ времени. Но Бунге думаетъ, что исторія физіологии какъ разъ опровергаетъ такое утвержденіе.

«Чѣмъ глубже, многостороннѣе и основательнѣе стараземся мы изучить явленія жизни, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣждѣнію, что явленія, которыя мы считаемъ возможнымъ объяснить физическими и химическими, гораздо сложнѣе по своей природѣ и пока решительно не поддаются никакому механическому объясненію». Въ доказательство этого положенія Бунге приводить нѣсколько яркихъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, какъ основательнѣйшія изслѣдованія новѣйшаго времени пошатнули недавнюю вѣру, что будто-бы явленія всасыванія и воспріятія пищи кишкою могутъ быть сведены къ законамъ диффузіи и эндосмоса. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что стѣнка кишки при всасываніи пищи вовсе не походитъ на мертвую перепонку. Каждая изъ покрывающихъ ее эпителіальныхъ клѣточекъ есть самостоятельный организмъ или индивидуальное живое существо съ чрезвычайно сложными функциями. Оказывается, что эти эпителіальные клѣточки точно такъ-же выбираютъ свою пищу, какъ и свободныя одноклѣточные животныя, напр. амебы, корненожки и проч. Такъ они, посредствомъ своихъ придатковъ, называемыхъ ложноножками, схватываютъ изъ пищи только капельки жира и внѣдряютъ ихъ въ свою протоплазму. Еще удивительнѣе дѣйствуютъ клѣточки лимфы, которая въ цѣломъ своею составѣ какъ-бы охотятся за жировыми капельками на поверхности кишки и, схвативши ихъ, возвращаются съ этой добычей въ млечную область (хилусъ), где онѣ живутъ постоянно. Только когда сдѣлались известными эти активныя функции клѣточекъ, стала понятенъ удивительный фактъ, что жировые капельки проникаютъ чрезъ стѣнки кишки въ область хила, между тѣмъ какъ вовсе не проникаютъ туда намѣренно вводимыя въ кишку крайне тонкія и малыя зернышки пигmenta. Теперь мы знаемъ, что это зависитъ отъ способности одноклѣточныхъ существъ внѣдрять въ себя

полезное для нихъ (жиръ) и не трогать вреднаго (пигмента).

Здѣсь Бунге дѣлаетъ весьма интересное сближеніе дѣйствій нашихъ эпителіальныхъ и лимфатическихъ клѣточекъ съ микроскопическими одноклѣточными животными, напримѣръ съ амебой, *Vampyrella Spirogyrae* по Ценковскому *), которыхъ дѣйствія въ отыскиваніи и воспріятіи пищи «столь удивительны,—говорить Ценковскій,—что сочтешь ихъ дѣйствіями существъ сознательныхъ».

Но и всасываніе растворенныхъ въ водѣ питательныхъ веществъ, по Бунге, не можетъ быть сведено къ законамъ диффузіи и эндосмоса, ибо въ воспріятіи этихъ растворенныхъ веществъ клѣточки лимфы также играютъ активную роль. Что касается до функцій железъ и явлений выдѣленія, то мы было уже совсѣмъ, по Бунге, думали свести ихъ къ законамъ эндосмоса; но теперь знаемъ, что и здѣсь эпителіальные клѣточки обнаруживаютъ ту-же самую удивительную способность выбирать и воспринимать изъ крови одни вещества, а другіе оставлять нетронутыми, преобразовывать воспринятый матеріалъ путемъ его разъединенія и соединенія и одни продукты этого преобразованія доставлять къ началу отдѣлительныхъ путей, а другіе отталкивать назадъ въ лимфатические пути.

Но и всѣ клѣточки нашихъ тканей обладаютъ такими-же загадочными способностями, какъ эпителіальные клѣточки кишкѣ и железъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что въ развитіи нашего организма всѣ элементы нашихъ тканей происходятъ отъ одной единственной зародышевой клѣточки, путемъ постоянного дѣленія, и что, по мѣрѣ размноженія клѣточекъ черезъ это дѣленіе, эти элементы дифферен-

*) Знакомя читателя съ лекцію Бунге, я не дѣлаю никакихъ указаний на многочисленныя его ссылки на специальныя ученыя сочиненія, специальные журналы, архивы и т. под.,—ссылки, которыя служатъ ему для подкрѣпленія его положеній, потому что такія указанія только затромоздили бы мою статью безъ всякой пользы для нея. Желающіе познакомиться съ этимъ подробнѣе могутъ сами обратиться къ первой лекціи Бунге.

цируются по принципу раздѣленія труда; если мы примемъ въ соображеніе, что каждая клѣточка получаетъ способность одни вещества выдѣлять, другіе воспринимать, сохранять и соединять ихъ для выполненія своихъ функций,—«то нечего и думать о химическомъ объясненіи этихъ явлений».

И въ другихъ областяхъ физіологии столь-же мало, какъ и въ физіологии обмѣна веществъ, удалось свести явленія жизни къ физическимъ и химическимъ законамъ. Возьмемъ, наприм., физіологію чувствъ,—область, повидимому, самую точную и допускающую физическое объясненіе. Конечно, глазъ есть оптическій аппаратъ, самага obscura; конечно, изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ образуется на основаніи тѣхъ-же самыхъ непреложныхъ законовъ рефракціи, какъ и изображеніе на фотографической пластинкѣ! Но... только это вовсе не есть явленіе жизни, ибо глазъ при этомъ абсолютно пассивенъ. Изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ происходит точно такъ-же и въ вырѣзанномъ, мертвомъ глазѣ, жизненное-же явленіе состоить въ развитіи глаза. Весь вопросъ въ томъ, какъ образуется этотъ сложный оптическій аппаратъ, какимъ образомъ присоединяются клѣточки ткани одна къ другой для того, чтобы образовать удивительное строеніе этого аппарата. Вотъ въ чемъ заключается великая загадка, для разрѣшенія которой до сихъ поръ не сдѣлано даже и первого шага. Конечно, можно наблюдать и описать слѣдованіе одной за другою стадій развитія. Но почему они слѣдуютъ такъ, а не иначе, или какъ объяснить причинную связь всей этой послѣдовательности,—объ этомъ мы абсолютно ничего не знаемъ. Конечно и явленія приспособленія глаза суть также явленія жизни; но и тутъ мы опять имѣемъ только функцию мускуловъ и нервовъ,—опять старыя, не разрѣшенныя загадки. То-же самое можно сказать и объ остальныхъ органахъ чувствъ:

Все, что можетъ быть объяснено физически,—это явленія, при которыхъ подлежащіе органы совершенно пассивно приводятся въ колебаніе или движение посредствомъ проника-

ющихъ въ нихъ внѣшнихъ движений. Такъ какъ то-же самое отношеніе можно отмѣтить и въ другихъ областяхъ физиологии (какъ, наприм., въ кровообращеніи), то Бунге дѣлаетъ такое обобщеніе: всѣ события въ нашемъ организмѣ, допускающія механическое объясненіе, суть столь-же мало явленія жизни, какъ и движения листьевъ и вѣтвей, колеблемыхъ на деревѣ бурею, или какъ движения цвѣточной пыли, которую вѣтеръ переноситъ отъ мужскихъ органовъ къ женскимъ. Какъ ни важно это движение для жизненного процесса, но все-таки оно не есть явленіе жизни.

„Настоящая тайна жизни, заключаетъ онъ, скрывается въ дѣятельности, а понятіе дѣятельности взяли мы не изъ чувственнаю воспріятія, а изъ самонаблюденія, изъ наблюденія надъ волею, какъ она вступаетъ въ наше сознаніе, какъ она открывается внутреннему опыту. Но если та-же самая вещь встрѣчается намъ въ опытѣ внѣшнихъ чувствъ, то мы уже болѣе не узнаемъ ее. Конечно, мы видимъ явленія движения, но самую сущность этихъ явленій мы не видимъ, потому что для этого у насъ нѣтъ органа воспріятія. Мы только можемъ принять эту сущность гипотетически, и мы дѣлаемъ это, говоря объ „активныхъ движенияхъ“, ибо физиологъ никакъ не можетъ обойтись безъ этого понятія. Въ этомъ и состоитъ первая попытка психологического объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій. То, что мы почерпнули изъ собственного сознанія, мы переносимъ на объекты нашего чувственного воспріятія,—на органы, на элементы тканей, на каждую малѣйшую клѣточку“.

То-же относится и къ вспомогательнымъ наукамъ физиологии,—къ анатоміи и къ гистологіи. Я утверждаю, говорить Бунге, что и онѣ пока еще вовсе не приближаютъ насъ къ разрѣшенію выше означенныхъ загадокъ, ибо когда мы, при помощи микроскопа и скальпеля, разложили организмъ на послѣдніе элементы и дошли до самыхъ простыхъ клѣточекъ, тутъ-то опять и встрѣчаетъ насъ великая загадка жизни. Простѣйшая клѣточка, капелька протоплазмы обнаруживаетъ всѣ существенные функции жизни: питаніе, ростъ,

размножение, движение, ощущение,—наконецъ даже функции, которые, по крайней мѣрѣ, замыняютъ „сенсоріумъ“, или душевную жизнь высшихъ животныхъ. Каждая изъ безчисленныхъ микроскопически-малыхъ клѣточекъ, которая составляютъ нашъ организмъ, есть нѣчто чудесное, микрокосмъ, особый міръ!

Извѣстенъ фактъ, что при посредствѣ одного сѣмянного животнаго,—столь маленькой клѣточки, что въ пространствѣ одной кубической линіи ихъ заключается пятьсотъ миллионовъ,—передаются по наслѣдству всѣ тѣлесныя и духовные особенности отъ отца къ сыну и даже внуку. Если это дѣйствительно чисто - механическій процессъ, то какъ безконечно-чуднымъ должно быть строеніе атомовъ, какъ безконечно-сложно должна быть игра силъ и безконечно-запутанными должны быть разнообразныя движенія въ этой маленькой клѣточкѣ,—движенія, которые предписываютъ направленіе всѣмъ позднѣйшимъ движеніямъ и позднѣйшему развитію цѣлаго ряда поколѣній. Здѣсь физика, химія, анатомія оставляютъ насъ вполнѣ безпомощными.

Вѣруя въ безграничный прогрессъ науки, можно, по Бунге, безусловно допустить возможность, что затрудненія, которые теперь стоять передъ физіологической наукой на подобіе неприступныхъ горъ, могутъ быть когда-либо преодолѣны ею; но въ настоящее время совершенно не видно возможности, какъ-бы она могла сдѣлать какои-либо важный шагъ далѣе при помощи только физики, химіи и анатоміи. „Всѣ загадки жизни скрываются въ малѣйшей клѣточкѣ; и въ ней мы уже достигли границы изслѣдованія при нашихъ настоящихъ вспомогательныхъ средствахъ“.

Но, можетъ-быть, мы можемъ еще усовершенствовать эти средства? Такъ мы можемъ увеличить силу микроскопа, и то, что теперь кажется лишеннымъ какого-либо строенія, завтра окажется имѣющимъ его. Клѣточка, повидимому безъ ядра, при приложеніи новыхъ методовъ окрашиванія, обнаруживаетъ ядро. Даже ядро клѣточки оказывается не лишеннымъ строенія,—оно уже обнаруживаетъ такое слож-

ное строение, что скоро только одно простое наблюдение и описание этого строения займетъ всю трудовую силу многихъ изслѣдователей. Но... сложное строение не есть объясненіе,—оно есть, напротивъ, новая загадка; опять спрашивается: какъ возникло это сложное строеніе? И дастъ-ли намъ знакомство съ этимъ сложнымъ строеніемъ пониманіе самыхъ простѣйшихъ явлений, которыя мы наблюдаемъ у *Vampyrella* и другихъ микроскопическихъ существъ? Разрѣшить-ли оно намъ по-истинѣ великую загадку, величайшую изъ всѣхъ, а именно тайну наследственности посредствомъ одной маленькой клѣточки? И если такъ стоитъ дѣло по отношенію къ маленькой клѣточкѣ, то во сколько-же разъ увеличивается затрудненіе по отношенію къ нашему сложному организму!

А между тѣмъ физиологическое изслѣдованіе должно начинаться съ самаго сложнаго организма, съ человѣческаго! Это требование вытекаетъ изъ основанія совершенно посторонняго практическимъ требованіямъ медицинскаго искусства, именно изъ того, что при изслѣдованіи одного только человѣческаго организма мы располагаемъ не одними нашими внѣшними чувствами, но въ то-же время можемъ проникать въ самое глубочайшее существо организма и съ другой стороны, т.-е. путемъ самоизслѣдованія, путемъ внутренняго чувства, и такимъ образомъ подать помощь физикѣ, изслѣдующей предметъ съ внѣшней стороны. Это, по словамъ Шопенгауэра, похоже на горное дѣло, гдѣ работники проникаютъ въ шахты съ разныхъ сторонъ, такъ что наконецъ одинъ слышитъ чрезъ каменную стѣну удары молоткомъ другого. Плодоносность этого метода, приступающаго къ разрѣшенію загадки одновременно съ двухъ сторонъ, уже ясно была признана нашимъ великимъ учителемъ—Іоганномъ Мюллеромъ, и мы думаемъ, что къ его тезису: „*Psychologus nemo, nisi physiologus*“,—со временемъ безспорно будетъ присоединенъ обратный тезисъ: „*Physiologus nemo, nisi psychologus*“.
Во всякомъ случаѣ, думаетъ Бунге, законъ о „специфической энергіи чувствъ“, поставленный Мюл-

леромъ, есть величайшее пріобрѣтеніе какъ для физіологии, такъ и для психологіи, и можетъ служить точнымъ основаніемъ для всякой идеалистической философіи. По его мнѣнію, этотъ законъ состоитъ въ томъ, что одно и то-же раздраженіе, одно и то-же событие внѣшняго міра, или одна и та-же „вещь въ себѣ“, дѣйствуя на различные нервы чувствъ, постоянно вызываетъ различные ощущенія, и что различные раздраженія, дѣйствуя на одинъ и тотъ-же чувственный нервъ, вызываютъ одно и то-же ощущеніе *). Отсюда слѣдуетъ, что события во внѣшнемъ мірѣ ничего не имѣютъ общаго съ нашими ощущеніями и представленими, что внѣшний міръ есть для насъ книга, запечатанная семью печатями, и что непосредственно доступно нашему наблюденію и познанію только одно—это состоянія и явленія нашего собственнаго сознанія.

Вотъ эта простая истина и ведетъ насъ, по Бунге, къ полному пониманію того, что составляетъ сущность витализма, которая, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы, удовлетворяясь пустымъ словомъ, отказаться отъ мышленія, но въ томъ, чтобы выйти на единственно-правильный путь познанія, т.-е., *исходя отъ извѣстнаго, отъ внутренняго міра, объяснять неизвѣстное—мірѣ външній*. Механизмъ-же, который есть не что иное какъ материализмъ, идетъ обратнымъ и ложнымъ путемъ: исходя отъ неизвѣстнаго, внѣшняго міра, объясняетъ извѣстное—внутренній міръ.

*) Здѣсь Бунге, по-моему, впадаетъ въ недоразумѣніе. Желая противопоставить внѣшній міръ внутреннему, онъ говоритъ о дѣйствіи внѣшняго міра на „нервы“ чувствъ, какъ будто „нервы“ не принадлежать къ тому-же внѣшнему міру. Впрочемъ, это недоразумѣніе превычайно распространено. Корень его заключается въ фальшивомъ отожествленіи нашего тѣла и его частей съ нашимъ „я“, или съ нашимъ духомъ. Дѣло въ томъ, что внѣшній міръ, если онъ и существуетъ и дѣйствуетъ, никакъ не можетъ дѣйствовать на насъ, ибо внѣшній міръ находится въ пространствѣ, а наше я не находится и никакого места и положенія въ немъ не имѣть. Подробнѣе объ этомъ предметѣ читатель можетъ найти въ моемъ философскомъ сборнике: „Свое Слово“—въ двухъ книжкахъ за 1888 и 1889 годы.

Физіолога постійно гонить въ об'ятія матеріализма то обстоятельство, что психології єще очень далеко отъ той ступені ясности, къ которой мы привыкли при изученіи хімії и фізики. Хотя состоянія и событія собственного сознанія и подлежать нашему непосредственному наблюдению, однако наше знаніе въ этой области совершенно не точно, что, конечно, зависитъ какъ отъ сложности предмета, такъ и отъ безконечно большого числа качествъ, подлежащихъ познанію въ этой области, сравнительно съ областью внѣшнихъ чувствъ. Далѣе, это зависитъ отъ чрезвычайно быстрой смѣны въ событіяхъ и состояніяхъ нашего сознанія и, наконецъ, въ отсутствіи средствъ для количественного измѣренія предметовъ внутренняго опыта; и пока продолжится такое состояніе психології, мы не достигнемъ удовлетворительного объясненія жизненныхъ явлений. Значитъ, пока остается самоотверженно работать въ области физіології въ духѣ теперешняго механическаго направленія и идти, насколько возможно, дальше съ помощью только одной фізики и хімії, причемъ неизъяснимое этимъ путемъ ядро будетъ обнаруживаться все рѣзче и яснѣе. Такимъ образомъ механизъ настоящаго времени непремѣнно пододвинетъ насъ къ симагізму будущаго.

II.

Куда зоветь насъ голосъ. Полагаю, что читателю ясно, что сущность сейчасъ изложенной лекціи Бунге состоитъ въ утвержденіи недостаточности и даже невозможности объясненія явлений жизни съ точки зрѣнія механизма и въ указаніи на то, что этого объясненія должно искать на пути изслѣдованія фактovъ внутренняго опыта, непосредственно доступныхъ нашему познанію, но что вступить на этотъ путь пока еще нельзя по крайнему несовершенству психології, науки, занимающейся изслѣдованіемъ явлений нашего сознанія,—явлений, данныхъ во внутреннемъ опыта. Хотя Бунге собственно ограничился только намекомъ на' но-

вый путь, но мы не имѣемъ права какъ-либо упрекать его за это. какъ потому, что вопросъ о новомъ пути вообще чрезвычайно труденъ, такъ, главнымъ образомъ, и потому, что специальная область науки, которою онъ занимается, шла довольно давно совершенно инымъ, т.-е. этимъ самыи путемъ механическаго объясненія. Напротивъ тѣ, которые, подобно мнѣ, убѣждены, что механизмъ не можетъ быть единственнымъ, послѣднимъ и высшимъ началомъ въ объясненіи какъ явлений жизни, такъ и всѣхъ другихъ явлений познаваемаго міра, должны быть крайне благодарны Бунге за откровенное признаніе этой невозможности въ объясненіи біологическихъ явлений. Для меня авторитетный голосъ ученаго специалиста служитъ неожиданнымъ подкрѣплениемъ въ борьбѣ идеального направлениія философіи, которое я считаю истиннымъ, противъ материализма, который будто-бы, опираясь на точную науку, не говоря уже о біологическихъ, претендуетъ даже и психическія явленія объяснить путемъ механическаго воздействиія двигающихся въ пространствѣ элементовъ другъ на друга. Въ настоящей статьѣ я позволю себѣ, присоединяясь къ сказанному Бунге, нѣсколько расширить и пояснить сдѣланный имъ намекъ относительно того пути, на который зоветъ насъ неудовлетворительность механическаго объясненія жизни и вообще міра.

Уже издавна въ философскомъ мірообъясненіи борются два теченія: *механизмъ и телеволоія*. По механизму основу всего, что представляется нашему познанію, составляютъ *первоначальные элементы* (атомы, или все равно какъ-бы они ни назывались), имѣющіе положеніе въ пространствѣ и двигающіеся въ немъ собственною силой. Отъ воздействиія этихъ элементовъ другъ на друга въ ихъ движеніи и происходятъ всевозможныя явленія: механическія, физическія, біологическія и, наконецъ, психическія. Какъ началось это движение? На этотъ вопросъ механизмъ или отвѣтаетъ *случаемъ*, или-же (напр. въ настоящее время) совсѣмъ не отвѣтаетъ, думая, что движение было *въчно*, причемъ понятія какъ вѣчности, такъ и бытія оставлять безъ всякаго опредѣленія и объяс-

ненія *), такъ что сужденіе: «движение было вѣчно» никакого яснаго смысла не имѣть. Во всякомъ случаѣ ни въ самихъ двигающихся элементахъ, ни внѣ ихъ механизмъ не допускаетъ никакого разума, никакой воли, никакихъ цѣлей. Съ какимъ-бы вопросомъ мы къ нему ни обратились, на все у него одинъ отвѣтъ: *такъ столкнулось, такъ вышло, такъ бываетъ ***). Что-же касается до разума, воли и цѣлей, то механизмъ о происхожденіи ихъ добросовѣстно могъ-бы повести только такую рѣчь: безчисленные вѣка материальныя элементы двигались въ пространствѣ, соединяясь и раздѣляясь между собою, и никакого разума, никакой воли и цѣли не было, но случайно они сгруппировались такъ, что вышло живое тѣло, протоплазма, изъ которой вышли также случайно другія большія тѣла, въ которыхъ вдругъ появились и разумъ, и воля, и цѣль. Итакъ, тотъ самый разумъ, который только одинъ понимаетъ и тѣмъ устанавливаетъ *случайное и необходимое* и безъ котораго ни то, ни другое не имѣетъ никакого смысла, обязанъ своимъ происхожденіемъ случайю. Здѣсь, какъ видитъ читатель, случай, поставленный механическою теоріею *владыкой и отцомъ всѣхъ формъ міра*, получаетъ свою санкцію и, такъ сказать, муропомазаніе отъ одной изъ своихъ тварей, т.-е. разума. Съ другой стороны черезъ посредство исповѣдниковъ механической теоріи разумъ совершає удивительный актъ самоотреченія, считая своимъ господиномъ и создателемъ слѣпой, безмыслиенный случай.

Но еще съ древнѣйшихъ временъ, какъ сказано выше, съ механизмомъ боролась телевологія, которая въ разныхъ формахъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ большею или меньшею основательностью, но *постоянно проводила* ту мысль, что различныя явленія происходили не потому, что такъ вы-

*) Громко звучащая фраза въ механизме: „все совершается по неизблемымъ законамъ природы“, есть не что иное какъperiфразъ словъ: „такъ бываетъ“.

**) О невыработанности вообще въ философіи понятія бытія см. издаваемый мною сборникъ: „Свое Слово“, № 2, за 1889 г.

шло вслѣдствіе слѣпого и случайного столкновенія и сочетанія первоначальныхъ элементовъ, но потому, что такъ положено разумомъ и потому, что такъ заложено въ послѣдней цѣли бытія, для которой все происходящее составляетъ только лѣстницу средствъ.

Я, конечно, не стану рассказывать о перипетіяхъ этой вѣковой борьбы прежде всего потому, что такой разсказъ вышелъ-бы безконечно далеко изъ рамокъ журнальной статьи и замѣчу только, что въ общемъ ходѣ этой борьбы обѣ теоріи постоянно *проgresсировали*, или совершенствовались, какъ въ средствахъ своей обосновки и выраженія, такъ и въ способахъ самозащиты и нападенія на противника. Въ этомъ прогрессѣ есть однако несомнѣнное преимущество на сторонѣ механизма: онъ прогрессируетъ, такъ сказать, ярче и скорѣе, а потому, повидимому, завоевываетъ все большую сферу признанія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ истиннѣе по своему существу и чтобы онъ былъ логичнѣе по своей постановкѣ. Сейчасъ указанное преимущество его зависитъ отъ того, что онъ гораздо доступнѣе для пониманія большинства и что ему легко подъ прикрытиемъ альфы и омеги своего мірообъясненія, т.-е. случая, игнорировать и даже отрицать законъ *достаточною основаніемъ*, налагающій все болѣе тяжкое и тяжкое бремя на признающихъ его обязательность защитниковъ телеологического мірообъясненія.

Въ одной изъ своихъ формъ, не разъ господствовавшей въ исторіи мысли и теперь снова вошедшей въ моду, а именно въ позитивизмѣ, механизмъ даже принципіально освобождается себя отъ какихъ-бы то ни было требованій закона достаточнаго основанія. Не только «зачѣмъ», «для чего», но даже «почему»—все это праздные вопросы, утверждаетъ позитивизмъ: нѣтъ ни первыхъ причинъ, ни послѣднихъ цѣлей, да даже вообще нѣтъ причинъ и цѣлей. Есть только: «какъ», т. е. послѣдовательность явлений во времени, да законы, которые суть не что иное какъ выраженіе часто бывающаго одного и того-же случая. Разумѣется, при такомъ упрощеніи задачи знанія, механизму не мудрено привлечь къ себѣ большин-

ство, у котораго при разнообразі и множествѣ потребностей жизни вообще, потребность знанія и истины ничтожна.

Но кромѣ слабой потребности въ знаніи, у того-же большинства весьма слаба и энергія мысли. Вообще серьезно мыслить, отыскивая отдаленные, сложные причины событий, угадывая конечный смыслъ и значение (т. е. цѣль) длинныхъ и сложныхъ рядовъ явлений и отношений, вскрывая внутреннюю связь и единство вещей, повидимому, ничего общаго между собой не имѣющихъ,—для большинства людей составляетъ тяжкій и непосильный трудъ. Потребность знанія у большинства ограничивается немногимъ, именно тѣмъ, безъ чего уже нельзя обойтись въ жизни и для жизни: это — узнать, какъ бываетъ то или другое, каковы часто встречающиеся случаи, каковъ обычай, какова рутина житейского обихода—вотъ все, что нужно большинству и къ чему оно способно. Но этой-то потребности всего легче можетъ удовлетворить механическое міросозерцаніе.

Благодаря естественной склонности людей искать всяческаго объясненія въ капризѣ случая, въ слѣпомъ совпаденіи обстоятельствъ, мы встречаемъ и въ телеологическомъ міровоззрѣніи такія формы, которые принадлежать къ нему только по внѣшности, а по существу дѣла должны быть отнесены къ теоріи механизма. Такова, наприм., большая часть теологическихъ системъ, гдѣ боги распоряжаются событиями вполнѣ по произволу фантазіи и по самымъ случайнымъ мотивамъ, такъ что дѣйствія ихъ, по своей сущности, совершенно равняются случаю, царствующему въ механизмѣ. Въ этихъ теологическихъ системахъ эмпирическое знаніе страстей, характера и случайной воли боговъ посредствомъ оракуловъ, гаданій и т. под. совершенно равняются эмпирическому знанію законовъ и порядка явлений въ механизмѣ.

Какъ уже было выше сказано, механизмъ и телеология постоянно прогрессировали въ мірообъясненіи. Механизмъ, какъ легчайшая система, довольно скоро достигъ значительного совершенства, какъ это было, наприм., въ Греціи въ атомизмѣ Демокрита. Телеология-же, даже у такихъ

великихъ мыслителей, какъ Платонъ и Аристотель, представляеть еще, такъ сказать, дѣтскія черты, но за то отъ Демокрита и до настоящаго времени механизмъ въ сущности не представляеть никакихъ *новыхъ основныхъ концепцій* и прогрессириуетъ только во второстепенныхъ сторонахъ, какъ-то: въ болѣе ясномъ выраженіи своихъ началь, въ большей цѣльности системы, въ большей точности положеній и т. под. Такъ, напримѣръ, съ развитиемъ въ послѣднее время химіи, механическій атомизмъ значительно усовершенствовался въ объясненіи съ своей точки зрењія происхожденія чувствено наблюдаемыхъ вещей вообще и органическихъ въ особенности изъ первоначальныхъ элементовъ матеріи. Современная физика даетъ возможность механизму яснѣе представить *общія формы*, въ которыхъ обнаруживается дѣятельность атомовъ, какъ наприм. свѣтъ, теплота, электричество и т. п. Но главное остается однимъ и тѣмъ-же: все въ концѣ концовъ сводится къ перемѣщенію послѣднихъ элементовъ матеріи въ пространствѣ и къ ихъ непосредственному воздействию другъ на друга посредствомъ толчковъ и ударовъ.

Что касается до телеологии, то, по самой трудности дѣла, въ ней прогрессъ идетъ гораздо медленнѣе, и болѣе совершенныя формы этого мірообъясненія, которыя могли-бы соответствовать современнымъ формамъ механизма, еще впереди. Не вдаваясь въ подробности исторіи философской мысли, я скажу, что значительный шагъ впередъ сдѣлало философское телеологическое мірообъясненіе въ XVII, а отчасти XVIII вѣкѣ въ лицѣ Лейбница. Лейбницъ формулировалъ начала, которыя такъ или иначе отражаются во всякомъ телеологическомъ мірообъясненіи отъ Лейбница и до нашего времени. Но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе того, что философія Лейбница была не только совсѣмъ не выработана систематически, но даже не была при немъ вполнѣ и обнародована *), его телеология уклонилась отъ намѣченного имъ

*) Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Лейбница: „Новые опыты о человѣческомъ умѣ“—появилось только черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти, именно въ 1765 году..

пути и, по-моему, уклонилась въ ущербъ телеологическому мірообъясненію вообще. Вольфъ и его школа, оказавшіяся послѣ Лейбница представителями его философіи, хотя и привели ее въ систематической порядокъ, но съ значительнымъ искаженіемъ всей его системы, а также и телеологии, которая получила у нихъ тотъ пошловатый, чуждый Лейбничу характеръ, по которому цѣль всего міра состоитъ единственно въ счастіи и благосостояніи человѣка. Правда, между вольфіанцами оказался мыслитель первой величины, Кантъ, который могъ-бы и систематизировать, и продолжать дѣло Лейбница въ томъ-же направлениі съ полнымъ успѣхомъ, но, къ сожалѣнію, Кантъ въ значительной мѣрѣ подпалъ подъ вліяніе другого направленія, противоположнаго телеологии, именно механизма, который въ томъ-же XVIII вѣкѣ достигъ высокой степени совершенства, благодаря трудамъ Ньютона, Локка, Юма и другихъ сравнительно второстепенныхъ дѣятелей. Самъ Кантъ на поприщѣ натуръ-философіи не мало потрудился на пользу механизма. Колеблемый между Лейбнице-Вольфіанской телеологіей съ одной стороны и, съ другой, между Ньютоновой натуръ-философіей, эмпирізмомъ Локка и скептицизмомъ Юма *), философія которыхъ по ихъ основнымъ точкамъ зреѣнія, конечно, была болѣе благопріятна для механизма,—Кантъ во всей философской дѣятельности пытался выполнить, по-моему, невозможную задачу оставить въ мірообъясненіи самостоятельными и независимыми оба принципа и, такъ сказать, разграничить сферу ихъ власти надъ міромъ, не подчиняя одного другому. Отсюда въ объясненіи мертвой природы у Канта лежалъ безусловный механизмъ и только въ объясненіи живой природы и затѣмъ нравственно-психической природы допускалась телеология, и то допускалась робко, съ колебаніями, въ сложной, запутанной и слабо обоснованной формѣ. Конечно, такое разграничение принциповъ философскаго мірообъ-

*) Объ этомъ смотри мою книгу: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ, 1884 г., главы IV и V.

ясенія было невозможно, потому что мертвая и живая природа вовсе не раздѣлены между собою непроходимою пропастью, и оно отразилось вообще въ непримиримости теоретической философіи Канта съ практической, или въ полномъ противорѣчіи основныхъ его сочиненій: „Критики чистаго разума“ съ „Критикой практическаго разума“ и „Критикой способности сужденія“—даже въ противорѣчіи между собою двухъ послѣднихъ. Несмотря на все остроуміе и изворотливость мысли, съ которыми Кантъ старался соединить механическое мірообъясненіе съteleологическимъ, какъ въ общемъ его философія уступаетъ въ цѣльности и послѣдовательности Лейбницевої, такъ и въ частности его teleология представляетъ регрессъ сравнительно съ teleологіей Лейбница, хотя и дѣлаетъ нѣкоторыя второстепенныя улучшенія и поправки въ ея постановкѣ и формулировкѣ.

Изъ наиболѣе выдающихся преемниковъ Канта, ближайшіе къ нему Фихте, Шеллингъ и Гегель, еще далѣе, чѣмъ онъ, уклонившіеся отъ Лейбница, какъ вообще въ философскомъ направлениі *), такъ и специально въ teleologіи, помоему, ничѣмъ не способствовали ея прогрессу, въ то время какъ механическое мірообъясненіе, опираясь на постоянный успѣхъ естествовѣдѣнія, все болѣе и болѣе захватывало себѣ признаніе большинства. Далѣе Гербартъ значительно возвратился къ Лейбничу въ общемъ направлениі философіи, но ничего не сдѣлалъ специально для teleologіи, которая вообще въ его системѣ осталась совершенно невыработанною **). Наконецъ, послѣдній выдающейся преемникъ Канта,

*) Всѣ названные философы были вообще идеалисты и пантеисты, тогда какъ Лейбницъ былъ индивидуалистъ и реалистъ; отсюда вытекало и различіе ихъ teleologіи сравнительно съ teleologіей Лейбница. Впрочемъ у всѣхъ троихъ можно отмѣтить ясныя черты вліянія Лейбница: у Фихте—въ идеѣ дѣятельности „я“; еще болѣе у Шеллинга (въ періодъ „Трансцендентальнаго идеализма“)—въ идеяхъ прекраснаго и гармонического единства космоса, соединенного съ различiemъ безконачного множества существъ, его составляющихъ; у Гегеля—въ ученіи объ абсолютномъ разумѣ, въ идеѣ непрерывнаго развитія бытія.

**) Гербартъ, точно также какъ и Лейбницъ, былъ реалистъ и индивидуалистъ.

Шопенгауэръ, выходя изъ понятія воли, какъ сущности міра, естественно долженъ быть принимать и телеологію; и дѣйствительно онъ чрезвычайно остроумно и талантливо вскрылъ во многихъ явленіяхъ природы господство цѣли, для которой механизмъ служитъ только средствомъ. Но, къ сожалѣнію, въ главномъ и важнѣйшемъ телеологія Шопенгауэра расходилась не только съ Лейбницевой, но даже и съ Кантовой, потому что его метафизический принципъ исключалъ разумъ. Безъ разума цѣли, осуществляемыя слѣпою волею Шопенгауэра, безсмысленны, стоять въ дисгармоніи другъ съ другомъ и въ общемъ производятъ только зло и страданіе.

Въ послѣднія десятилѣтія въ Германіи (и не въ одной только Германіи) начали появляться философы, вполнѣ достойные вниманія, работавши въ духѣ Лейбница, какъ въ общемъ направленіи философіи, такъ и въ телеологии. Изъ нихъ, какъ наиболѣе известного въ германской философіи, можно назвать недавно умершаго Лотце *). У этихъ послѣдователей Лейбница и телеология дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ, особенно въ разработкѣ идеи *о вѣчной и абсолютной связи и о единстве всего существующаго*. Эта идея, ясно высказанная впервые Лейбницемъ **), становится центральною

*) Говоря о наибольшей и вполнѣ заслуженной известности Лотце, я вовсе не хочу сказать, что онъ *eo ipso* выше всѣхъ современныхъ лейбницианцевъ.

**) У Лейбница всѣ вещи, существующія въ мірѣ, связаны закономъ „соответствія“ или „гармоніи“ (*loi de convenance*), по которому онѣ образуютъ *наилучший міръ*, т.-е. такой, въ которомъ всѣ, входящія въ него, существа имѣютъ такія свойства индивидуальной природы, при которыхъ они, въ ихъ взаимной связи, могутъ достигнуть наибольшаго совершенства и счастія. Эти свойства и были основаніемъ, по которому высочайшій разумъ выбралъ эти существа для общаго бытія въ мірѣ изъ множества другихъ возможныхъ существъ. Лейбницъ обозначаетъ эти выбранныя для бытія вещи терминомъ *совозможныхъ* (*compossibilia*) въ отличіе отъ просто *возможныхъ* (*possibilia*), т.-е. такихъ, которыхъ мыслимы, или не заключаютъ никакого противорѣчія для разума, но которые въ связи и въ сосуществованіи съ другими не дали-бы въ результата такого гармоничнаго и наилучшаго міра, каковъ, по Лейбничу, дѣйствительно существующій

идею, изъ которой исходить современное телеологическое мірообъясненіе и которой, по-моему, предстоитъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ упразднить идею механической или случайно начавшейся въ одномъ или нѣсколькихъ отдельныхъ пунктахъ пространства связи вещей, въ силу ихъ зависимости отъ одной или нѣсколькихъ производящихъ общихъ причинъ и потомъ постепенно расширяющейся въ количествѣ охватываемыхъ явлений.

Очень естественно, что при заявлении такого почтенного представителя естествовѣдѣнія, какъ Бунге, о недостаточности механизма для объясненія явлений жизни, у меня, вообще отрицательно относящагося къ механизму, возбуждается потребность напомнить интересующемуся высшими вопросами знанія обществу о существованіи философіи, которая механическому мірообъясненію противопоставляетъ телеологическое. Это телеологическое мірообъясненіе исходитъ изъ той мысли, что каждая изъ существующихъ въ мірѣ вещей и всѣ вмѣстѣ имѣютъ своею основою *нъчто единое* и притомъ такое, что не только составляетъ сущность ихъ бытія, но отъ чего зависятъ также и всѣ взаимныя отношенія вещей, весь порядокъ и послѣдняя цѣль ихъ развитія. Это нѣчто и составляетъ всеобщую связь между вещами, вслѣдствіе которой онѣ входятъ въ цѣльный организмъ единаго міра и вслѣдствіе которой въ этомъ мірѣ рѣшительно нѣть ничего случайного и безмысленного, а все необходимо не въ силу слѣпыхъ механическихъ законовъ, а въ силу закона разума, осуществляющаго полную и всестороннюю гармонію бытія многихъ и различныхъ существъ.

Мнѣ хочется напомнить обществу, что, благодаря этой всеобщей связи вещей, мы имѣемъ право и возможность на всякий причинный рядъ смотрѣть какъ на цѣлеположный, т.-е. что какія-либо существа или события этого ряда (A, B, C, D и т. д.) обусловлены не—зависимостію каждого послѣдующаго отъ предыдущаго, а напротивъ зависимостію каждого и всѣхъ предыдущихъ отъ одного послѣдующаго, или, точнѣе, отъ послѣдняго, замыкающаго собою цѣлую цѣль

событій или существъ ряда. Напоминаніе это ведеть къ упраздненію въ нашемъ пониманіи царства слѣпого случая, выражавшагося въ безконечныхъ и разрозненныхъ рядахъ причинъ и слѣдствій и замѣнѣ его царствомъ разума, въ которомъ какъ всѣ возможные ряды вмѣстѣ, такъ и каждый рядъ въ отдѣльности координированы и согласованы одною разумною цѣлью, которая въ то-же время есть и причина всѣхъ рядовъ и всѣхъ членовъ рядовъ. Я думаю, что рѣдко кто сталъ-бы оспаривать, что смотрѣть такъ на міръ и надѣяться провести вполнѣ удовлетворительно для разума такой взглядъ было-бы достойно нась, какъ существъ разумныхъ, а потому, конечно, не могущихъ отказаться отъ признанія разумности высшимъ и наилучшимъ достояніемъ, и нашимъ, и всего міра, несмотря на то, что часто, въ противорѣчіе этому признанію, мы думаемъ, что наша и какая-либо разумность произошла случайно изъ безсмысленныхъ толчковъ атомовъ, изъ которыхъ произошли всѣ вещи, а также и наше тѣло, и нашъ мозгъ, который яко-бы и есть разумъ.

Но..., скажетъ кто-нибудь, пусть было-бы достойно нась думать, что все происходящее въ мірѣ имѣть свое основаніе въ разумѣ, но едва-ли слѣдуетъ, во имя того-же самаго разума, произвольно и безъ всякаго основанія принимать эту пустую мечту, такъ какъ, вѣдь, никто не доказалъ ее, да и доказать не можетъ.

Не говоря уже о томъ, что въ этомъ возраженіи заключается странное самоотрицаніе разума—не во имя чего-либо высшаго и лучшаго его, а во имя его-же самого, я отвѣчу на него тѣмъ, что утвержденіе возражающаго о невозможности доказать, что разумъ есть основа всего сущаго, совершенно голословно и что можно съ нѣкоторымъ видимымъ основаніемъ вести рѣчь только о томъ, что это пока еще не доказано.

Итакъ, положимъ пока, что удовлетворительного доказательства нѣть; но развѣ механизмъ доказалъ удовлетворительно, что всякая гармонія и связь между явленіями міра, которой мы все-таки совсѣмъ не можемъ отрицать, про-

изошла отъ случайного и слѣпого столкновенія матеріальныхъ элементовъ? Развѣ механизмъ доказалъ что-либо удовлетворительное относительно происхожденія жизни или происхожденія сознанія? Возьмемъ, наприм., явленіе, на которое, по-моему, указываетъ сдѣланное выше изложеніе главы изъ книги Бунге, а именно, что тѣло человѣческое состоить изъ безчисленнаго множества самостоятельныхъ существъ и что каждое изъ нихъ живеть своею жизнью и преслѣдуєтъ свои собственныя жизненные цѣли—питанія, размноженія и т. под., а между тѣмъ жизнь всѣхъ этихъ миллионовъ существъ есть въ то-же самое время и жизнь, повидимому, одного только существа, которое, напр., называетъ себя „я“ и совершенно не думаетъ, а часто и совсѣмъ не знаетъ о миллионахъ этихъ существъ и объ ихъ простѣйшихъ, дорогихъ для нихъ „я“. Можетъ-ли механизмъ удовлетворительно объяснить, какъ самостоятельная жизнь этихъ миллионовъ маленькихъ „я“ слѣпымъ случаемъ координирована съ жизнью одного большого „я“, и притомъ координирована такъ, что эти жизни не только не мѣшаютъ другъ другу, но споспѣшиваютъ и относятся другъ къ другу такъ, какъ средства относятся къ цѣли? По крайней мѣрѣ, жизнь миллионовъ „я“ несомнѣнно служить средствомъ для жизни одного „я“. Размножаются эти миллионы или, по крайней мѣрѣ, сохраняются въ одномъ и томъ-же числѣ—и жизнь большого „я“ чувствуется и сознается имъ въ большей или меньшей степени благополучной, удовлетворительной! Убываетъ количество маленькихъ „я“, умираютъ они и выходятъ изъ общей связи (наприм., въ случаѣ болѣзни нашего тѣла)—и жизнь большого „я“ становится труднѣе, тяжелѣе и подвергается опасности совсѣмъ исчезнуть въ той формѣ, въ которой оно сознаетъ себя живущимъ. Гдѣ и когда, спрашиваю я у моего воображаемаго антагониста, механизмъ удовлетворительно объяснилъ это отношеніе средствъ и цѣли? Но подвинемся немного далѣе по пути, на который насъ ведетъ намекъ, сдѣянный Бунге. Опытъ указываетъ, что жизнь большихъ „я“ не только въ извѣстный моментъ времени,

но и въ теченіе длиннаго времени, при смѣнѣ цѣлыхъ поколѣній этихъ „я“, безконечно переплетена, перепутана, соорганизована другъ съ другомъ, наприм. такъ, что историческая жизнь цѣлыхъ обществъ можетъ быть понимаема какъ жизнь одного существа (наприм. какъ человѣчества), и притомъ опять такъ, что первыя суть средство для послѣдней, какъ своей цѣли. Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что также и жизнь миллионовъ маленькихъ существъ, составляющихъ большое „я“, не только координирована съ его жизнью, но посредствомъ него координирована и съ жизнью всѣхъ большихъ „я“ (т.-е. человѣчества), а черезъ нихъ и съ клѣточками всѣхъ человѣческихъ существъ земного шара. Спрашивается, какъ возможно, чтобы вся эта связь и взаимное соотношеніе, вся эта организація жизни неисчислимыхъ маленькихъ и большихъ существъ въ одну цѣлую жизнь человѣчества произошла путемъ механическимъ изъ какого-то первоначального хаоса случайно начавшихъ двигаться, соединяться и разъединяться мертвыхъ и безсмысленныхъ элементовъ вещества? Гдѣ и когда механизмъ далъ этому объясненіе?

Но сдѣлаемъ еще шагъ, углубляясь въ мысль, возбужденную въ насъ лекціею Бунге. Миллионы маленькихъ „я“, живущихъ въ себѣ и сложившихся въ то-же время въ жизнь большого „я“, произошли отъ одного только маленькаго существа, отъ одной клѣточки; но такъ какъ *ничто не можетъ быть изъ ничего*, то вся будущая организація этихъ безчисленныхъ клѣточекъ-потомковъ въ наше тѣло, вся будущая координація ихъ жизней въ одну жизнь нашего „я“—какъ-либо, въ какихъ-либо зачаткахъ была уже заложена и предъобразована въ организаціи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ клѣточка. Вѣдь известно, что эта клѣточка сама состоитъ изъ многаго множества простѣйшихъ элементовъ (молекулъ, атомовъ). Если-же жизнь клѣточки и затѣмъ всѣ формы жизни, истекшой изъ нея, включая и психическую, были предъобразованы въ этихъ простѣйшихъ элементахъ, то неизбѣжно заключеніе, что самые эти элементы обла-

даютъ жизнью (ибо иначе жизнь возникла-бы изъ ничего), и не только обладаютъ жизнью, но обладаютъ какими-либо зачатками и психической жизни (ибо иначе психическая жизнь произошла-бы изъ ничего). Спрашивается, объяснилъ ли механизмъ, какъ, по его мнѣнію, изъ мертвыхъ атомовъ и ихъ физико-химическихъ отношеній вытекла вообще жизнь и въ особенности психическая жизнь клѣточки? Но такъ какъ послѣдніе элементы матери въ томъ, что мы называемъ силами природы, какъ наприм., тяготѣніе, свѣтъ, теплота и проч., имѣютъ связь между собой и со всѣмъ, что находится въ бесконечномъ пространствѣ, то спрашивается, какъ можетъ объяснить механизмъ, что эта всемирная связь сперва атомовъ является потомъ какъ связь клѣточекъ, а затѣмъ—какъ связь существъ, состоящихъ изъ клѣточекъ, и въ концѣ концовъ—какъ связь всѣхъ существъ міра?

Итакъ, скажу я въ заключеніе моего отвѣта воображаемому антагонисту: если телеология и не доказала, что связь явлений и вещей, существующихъ въ мірѣ, зависитъ отъ разума, въ которомъ заключается и самая сущность этой связи, то и механизмъ нисколько не доказалъ, что она есть дѣло случая, который вообще есть только *asylum ignorantiae*. Но все-таки у телеологии есть то преимущество, что ею уже положено начало мірообъясненію съ ея точекъ зрењія (наприм. хоть въ философіи Лейбница). Далѣе, у нея есть и другое преимущество, а именно—исходный пунктъ для телеологического мірообъясненія въ ідеѣ высочайшей субстанціи, о которой мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе *по аналогии* съ нашей субстанціей. Какъ-бы ни разнился по степени разумъ высочайшей субстанціи отъ нашего, но все-таки и тотъ, и другой есть разумъ, т.-е. подпадаетъ подъ одно родовое понятіе. По ограниченности нашего разума, конечно, можетъ быть нѣчто непонятное для насъ, но понятное для разума высочайшей субстанціи,—но несомнѣнная нелѣпость, каково, наприм., противорѣчіе, конечно, есть также нелѣпость и для разума этой субстанціи, какъ она есть нелѣпость для разума нашего. Разъ предположивши, что мы имѣемъ хотя

и недостаточно ясное понятіе объ организації міра въ его цѣломъ и о цѣли какъ всего міра, такъ и отдельныхъ его частей и элементовъ, мы все-таки, опираясь на это понятіе и на идею разума высочайшей субстанції, можемъ постепенно и мало-помалу подвигаться къ болѣе ясному и полному пониманію этой организації и цѣли.

Наконецъ, можетъ-быть самое важное преимущество телеологического мірообъясненія передъ механическимъ заключается въ томъ, что механическій случай не есть понятіе, источникъ котораго въ какой-либо реальности.

Случай есть *отрицательное понятіе*. Кто говоритъ, что нѣчто происходитъ отъ случая, тотъ этимъ говоритъ только одно, что нѣчто происходитъ не отъ А, не отъ В, не отъ С и т. д., т. е. отъ какихъ-либо известныхъ или даже предполагаемыхъ реальныхъ причинъ. Поэтому на случаѣ никакое объясненіе не можетъ остановиться и всегда пытается замѣнить случай какой-либо реальностью, хотя-бы только предполагаемой. Между тѣмъ телеологическое мірообъясненіе опирается на дѣйствительно данную связь вещей, зависящую отъ дѣйствія реальной субстанції, предполагаемой на достаточномъ основаніи, т. е. на данныхъ опыта, ничѣмъ другимъ, кроме дѣятельности этой субстанції, необъяснимыхъ.

Я знаю, что не мало голосовъ поднимется за то, что будто-бы эту субстанцію можно принять только на основаніи слѣпой вѣры, что будто-бы доказательствъ ея быть не можетъ и что доказательства, приводившіяся прежде, вполнѣ и безповоротно опровергнуты, что будто-бы такія безповоротныя опроверженія даны даже такимъ великимъ философомъ, который, по своимъ глубочайшимъ вѣрованіямъ, былъ болѣе всего склоненъ принять, а не отрицать бытіе этой субстанціи, именно Кантомъ, что, наконецъ, будто-бы вся такъ-называемая догматическая философія, съ Лейбницемъ включительно, безвозвратно сдана въ архивъ и что будто-бы настало безраздѣльное царство критической философіи и т. д., и т. д.

Хорошо зная все то, что могутъ сказать голоса, я въ то-

же время хорошо знаю и то, что бытіе высочайшей субстанції можетъ опираться на удовлетворительныя для разума доказательства и что будто-бы безповоротное опроверженіе этихъ доказательствъ принимается только материалистами и скептиками, между тѣмъ какъ философы другихъ направлений и даже самъ Кантъ, хотя и съ противорѣчіемъ самому себѣ, всегда признавали возможность разумной обосновки этого бытія. Хорошо знаю также и то, что если Кантъ и опровергъ эти доказательства *), то только въ той недостаточной постановкѣ, въ которой выражала ихъ вольфіанская школа, что, наконецъ, опроверженіе имъ догматической философіи вообще, съ Лейбницевой**) включительно, есть только весьма распространенный и укоренившійся отъ частаго повторенія *предразсудокъ*, и что, наконецъ, подъ громкимъ именемъ «критической философіи», конечно вопреки сознательнымъ намѣреніямъ ея основателя, сталъ скрываться въ новой формѣ все тотъ-же *старый врагъ* истинной философіи, т. е. сенсуализмъ и скептицизмъ, который есть продуктъ разума-же, но только «ложнаго и малодушнаго» разума (*ignava et perversa ratio*), который вѣчно боролся и будетъ бороться съ *истиннымъ и сознающимъ свою силу разумомъ*, воплощающимся въ разныхъ формахъ раціонализма.

Итакъ, заключаю я, такія серьезныя указанія, какія сдѣланы професс. Бунге о несостоятельности механизма въ объясненіи жизненныхъ явлений, даютъ намъ полное право напомнить обществу о существованіи телеологического мірообъясненія и требовать для него по крайней мѣрѣ *равныхъ правъ* съ механизмомъ—на вниманіе этого общества.

*) См. обѣ этомъ „Свое Слово“, № 2.

**) Относительно противорѣчій, въ которыхъ впадаетъ Кантъ въ своей системѣ, неясности и неопределенноти терминовъ, которые онъ употреблялъ, непослѣдовательности и смѣщенія точекъ зреенія, на которыхъ онъ стоитъ при проведеніи своей философіи, наконецъ, недостаточной основательности въ его критикѣ другихъ философовъ и особенно Лейбница, я позволю себѣ сдѣлать ссылку на мою книжку: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Кіевъ, 1884 г., въ особенности на главы VII и VIII.

Теперь я долженъ устранить недоразумѣнія, въ которыя читатель можетъ впасть при моемъ напоминаніи о возможності существованія философскаго телеологическаго мірообъясненія.

Я никакъ не думаю при этомъ, чтобы всѣ частныя науки, оставивши изслѣдованіе причинъ изучаемыхъ ими явленій и формулировку законовъ, которымъ подчиняются отдѣльные факты, начали заниматься отгадываніемъ цѣлей, для которыхъ эти факты или ряды фактовъ, а также законы служатъ средствами. Такія предпріятія въ области частныхъ наукъ были-бы, не только теперь, но и долгое время послѣ, неосуществимы, потому что предугадывать и вскрывать особенные и частныя цѣли—уже не говорю въ области природы вообще, но даже и въ области исторіи, гдѣ событія или дѣйствія человѣческія главнымъ образомъ вызываются цѣлями — есть дѣло соединенное съ величайшими затрудненіями. Значить, и вообще частныя науки, а также и біологии съ физіологіей должны по прежнему изслѣдовать причины явленій. Изслѣдованіе-же, какъ общей міровой цѣли, такъ и цѣлей большихъ или меньшихъ областей міра, нужно предоставить только философіи, единственной наукѣ, имѣющей возможность и обязанность посмотрѣть на всевозможныя существа и событія міра *въ ихъ цѣломъ, въ ихъ единстве* и, такъ сказать, *sub specie aeternitatis*, т.-е. безвременно, или въ томъ единствѣ бытія, въ которомъ *все* только просто *есть* и въ которомъ различія прошедшаго, настоящаго и будущаго не имѣютъ смысла, потому что эти различія *къ сущему* неизбѣжно присоединяютъ *не сущее*, ибо настоящее можетъ быть мыслимо сущимъ не иначе, какъ подъ условиемъ, что всякое содержаніе прошедшаго и будущаго *еще* или *уже не есть*. Но вмѣстѣ съ этимъ и содержаніе настоящаго становится не сущимъ, ибо безъ связи съ тѣмъ, что было и что будетъ, это содержаніе само превращается въ ничто. Итакъ, *истинное бытіе* есть *безвременное бытіе*, а въ безвременномъ бытіи причинное отношение не имѣетъ никакого значенія и само собою переходитъ въ цѣлеположное.

Изъ сказанного сейчасъ видно, что вопросъ о телеологическомъ мірообъясненіи стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о времени, а также и о пространствѣ, съ признаніемъ или отрицаніемъ ихъ реальности. Но такъ какъ этотъ вопросъ не можетъ быть предметомъ разсмотрѣнія частныхъ наукъ, потому что онъ предполагаютъ пространство и время, какъ необходимыя формы изслѣдуемыхъ ими явлений, то мы имѣемъ и другое основаніе отнести телеологическое мірообъясненіе къ философіи, въ которую также входитъ и вопросъ о реальности пространства и времени.

Наконецъ, одно изъ важныхъ обстоятельствъ, устраниющихъ телеологію изъ частныхъ наукъ, заключается въ томъ, что эти науки, особенно естественные, имѣютъ чрезвычайно важное практическое приложеніе къ жизни. Потребности жизни, наприм. въ дѣлѣ медицины, технологіи, практической механики и т. под., не могутъ ждать полнаго мірообъясненія, при которомъ только и возможно проведеніе телеологіи во всѣхъ частностяхъ и деталяхъ, а потому заставляютъ насъ довольствоваться хотя-бы и весьма неполнымъ причиннымъ объясненіемъ явлений и законами, которымъ подлежать факты, чего для практическихъ цѣлей вполнѣ достаточно. Въ чемъ бы ни состояла сущность міра, въ чемъ-бы ни заключались его общія или частные цѣли, во всякомъ случаѣ мы, не зная этой сущности и цѣлей, можемъ приспособляться къ явленіямъ міра и принаровлять ихъ къ своей жизни, какъ скоро эти явленія достаточно изучены въ ихъ временно-пространственномъ порядкѣ.

Но, оставляя на долю философіи постановку и рѣшеніе вопроса о телеологическомъ мірообъясненіи, я въ то-же время думаю, что и она, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, можетъ только ограничиться изслѣдованіемъ и разработкою вопроса объ общей цѣли мирового процесса. Что-же касается до формулировки частныхъ цѣлей, которая суть не что иное какъ средства для этой общей цѣли, то я не думаю, чтобы философія въ настоящее время могла успѣшно заняться этимъ рѣшеніемъ, потому-что для этого, по-моему, была-бы

нужна большая степень совершенства частныхъ наукъ. Но, по мѣрѣ прогресса въ нихъ, философское телеологическое мірообъясненіе могло-бы перейти отъ постановки обще-мировой цѣли къ детальному изслѣдованию частныхъ цѣлей, а потомъ мало-по-малу и постепенно причинное объясненіе явлений переходило-бы въ телеологическое и въ сферѣ самихъ частныхъ наукъ. Необходимое слѣдствіе такого прогресса выразилось-бы въ томъ, что всѣ науки вышли-бы изъ той разрозненности другъ съ другомъ и съ философией, въ которой онъ находится въ настоящее время и которая даже доходитъ, *horribile dictu*, до враждебности какъ, наприм., въ отношеніяхъ современного естествовѣданія къ философіи.

Теперь мнѣ остается еще устранить возможное недоразумѣніе по поводу моего отношенія къ философіи Лейбница. Когда я приписываю ей важное значеніе въ телеологическомъ мірообъясненіи, то не хочу этимъ сказать, чтобы это объясненіе въ настоящее время только повторило то, что высказано Лейбницемъ,—чтобы мы, наприм., въ настоящее время были обязаны поддерживать его учение о предустановленной гармоніи, его крайній оптимизмъ, его попытки согласить философію съ вѣрою или соглашать различные вѣроисповѣданія и т. под. Я думаю только, что для философіи вообще и для телеологии въ частности необходимо держаться не буквы, а духа *началъ*, имъ высказанныхъ. Такъ, наприм., я думаю, что нѣтъ возможности въ настоящее время отстаивать пантеистическое учение объ одной только субстанції, которой всѣ существа міра суть только ничтожныя преходящія видоизмѣненія. Опытъ и разумное его толкованіе со всѣхъ сторонъ подтверждаетъ метафизику Лейбница о множествѣ самостоятельныхъ субстанцій. Точно также мнѣ кажется, что современное развитіе философской мысли скорѣе всего можетъ примкнуть къ Лейбничу и въ томъ, что возможность связи и взаимодѣйствія этого множества субстанцій обусловливается дѣятельностью высочайшей субстанціи, которая, составляя основу всѣхъ остальныхъ и тѣмъ связывая ихъ въ единый міръ, въ то-же время

не поглощаетъ ихъ въ себѣ и не отнимаетъ ихъ природной самостоятельности и индивидуальности. Конечно, современной философіи вовсе нѣтъ надобности держаться буквы Лейбница въ объясненіи понятій пространства, времени и матеріи, но она, по-моему, не можетъ сойти съ основной точки зрењія, впервые рѣшительно высказанной Лейбницемъ, что пространство и время не имѣютъ реального существованія и что матерія и весь материальный міръ вовсе не существуетъ такимъ, какимъ мы его представляемъ, но что онъ есть *phaenomenon bene fundatum*. Наконецъ, философія должна, по-моему, твердо держаться за энергически поддерживаемый Лейбницемъ принципъ, что разумъ и чувственный опытъ вовсе *не суть два различные органа познанія*, такъ что необходимо выбирать одинъ какой-либо изъ нихъ критеріемъ истины. Но, опираясь на основные начала философіи Лейбница, которая, конечно, не есть исключительное его изобрѣтеніе, а результатъ постепенного исторического развитія философскихъ проблемъ еще до него, современная философія вообще, и въ частности телеологія, можетъ быть совершенно независимою въ формѣ, обосновкѣ и аргументаціи этихъ началь и пользоваться для этого всѣмъ, что сдѣлали до настоящаго времени *всѣ науки* вообще.

Теперь мнѣ остается сказать словечко относительно еще одного пункта. Можетъ-быть кто-либо усомнится въ возможности предполагать, а тѣмъ болѣе доказывать, что психическая жизнь принадлежитъ и *первоначальнымъ элементамъ материальною міру*, атомамъ, молекуламъ и т. под. Но такъ какъ такія предположенія въ послѣднее время высказываются все чаще и чаще не только философами, но и представителями естествовѣдѣнія (наприм. Гартманомъ, Горвицемъ, Нуаре, Гейгеромъ, Цѣльнеромъ и многими другими), и такъ какъ, далѣе, эти предположенія дѣлаются не голословно, а всегда на какихъ-либо основаніяхъ, то ео *ipso* и устраняется сомнѣніе какъ въ возможности самихъ предположеній, такъ и ихъ доказательствъ. Значить, остается сомнѣваться только въ убѣдительности и силѣ этихъ доказа-

тельствъ. Конечно, по самой природѣ своей, такія доказательства не могутъ быть прямымъ, основанными, наприм., на непосредственно сознаваемыхъ фактахъ, но нѣтъ никакихъ основаній отвергать *à priori*, что въ пользу этихъ предположеній могутъ быть со временемъ выставлены весьма вѣскія доказательства—или въ видѣ гипотезъ, или въ видѣ умозаключеній по аналогіи, которая несомнѣнно служить для насъ единственнымъ основаніемъ для признанія психическихъ состояній не только у животныхъ, но даже и у людей. Если однако эти аналогіи столь основательны, что мы въ настоящее время не сомнѣваемся въ существованіи психическихъ состояній у одноклѣточныхъ животныхъ *), то почему-же не надѣяться, что въ будущемъ могутъ быть выработаны аналгіи достаточныя для признанія и даже для характеристики психическихъ состояній вообще послѣднихъ элементовъ матеріи. Предположимъ, что различныя, основанныя преимущественно на косвенныхъ аргументахъ отъ противного, философскія заключенія (для меня и теперь совершенно убѣдительныя) о томъ, что замѣчаемыя нами перемѣны въ движеніяхъ и состояніяхъ тѣла, нервной системы или мозгового вещества *не суть причины*, какъ то принимаетъ материализмъ, перемѣнъ въ нашихъ психическихъ состояніяхъ, а *суть только весьма точный значекъ параллельной* перемѣны въ самихъ психическихъ состояніяхъ; предположимъ, говорю я, что эти заключенія будутъ все болѣе и болѣе завоевывать для себя безспорное признаніе,—тогда я невижу ничего нелѣпаго въ появленіи сочиненій о *психической жизни атомовъ и молекулъ*, какъ ничего нѣтъ нелѣпаго въ появленіи сочиненій о психической жизни одноклѣточныхъ существъ. Если современные физики, конечно не имѣя возможности какъ-либо прямо наблюдать надъ молекулами и атомами, все-таки созидаютъ путемъ разныхъ соображеній и спеку-

*) Смотри въ „*Revue Philosophique*“ 1887 г. статьи Binet: „*La vie psychique des microorganismes*“, где авторомъ обстоятельно собраны данные изъ многочисленныхъ специальныхъ сочиненій изслѣдователей послѣдняго времени о жизни вообще, а также и о психической жизни одноклѣточныхъ животныхъ.

ляцій механіку атомовъ и молекулъ, или ученіе о формахъ, направленихъ и скоростяхъ ихъ движений, то почему-же были бы невозможны остроумныя, но основательныя гипотезы о соответствующихъ этимъ минимальнымъ движениемъ элементарнѣйшихъ внутреннихъ состояніяхъ ощущенія, чувствованія, хотѣнія, наконецъ даже мысли?! Я позволю себѣ, въ заключеніе всего мною сказанного, предложить на судъ читателя *странное*, но однако, думаю, не *безсмысленное* положеніе: что знакомыя намъ во внутреннемъ опыта состоянія утвержденія и отрицанія, сомнѣнія и увѣренности имѣютъ свои зачатки не только во внутреннихъ состояніяхъ той зародышевой клѣточки, изъ которой мы произошли, но и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоить сама эта клѣточка. Во всякомъ случаѣ въ современной философской литературѣ можно найти представителей, которые признаютъ не только вообще психическія состоянія (напр. чувствовательныя и желательныя) у молекулъ и атомовъ, но и специально—элементарные познавательныя состоянія. Такъ въ современной французской философской литературѣ я могу указать на Руазеля (Roisel. La substance. Paris. Germer Bailli re), которому никакъ нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ значительномъ и всестороннемъ научномъ образованіи и который выработалъ цѣлую теорію, по его мнѣнію, имѣющую эмпирическія основанія, гдѣ атомамъ принадлежитъ хотя инстинктивное, но за то безусловно-достовѣрное, знаніе тѣхъ законовъ, по какимъ они дѣйствуютъ и двигаются, образуя первоначальные агрегаты матеріи, изъ которыхъ уже потомъ развиваются вещи и существа извѣстной намъ природы. Еще могу указать въ той-же французской литературѣ на талантливаго философа Тарда (см. мою книжку: „Тардъ и его теорія общества“—Кievъ. 1887 г.), по которому *увѣренность*, сводящаяся къ актамъ утвержденія и отрицанія, и *желаніе*—суть основныя психологическія силы и принадлежать уже первоначальнымъ дѣятелямъ природы, т. е. молекуламъ и атомамъ. Можно найти и другіе примѣры, но достаточно и этихъ.

По мѣрѣ силъ я окончилъ свое указаніе на область, въ которую, по-моему, зоветъ насъ голосъ почтеннаго представителя естествовѣдѣнія, и въ заключеніе моей статьи позволю себѣ обратиться къ „Московскому Психологическому Обществу“ съ словомъ *глубокаго и искренняго сочувствія* къ его *иниціативѣ* въ изданіи „Трудовъ Общества“ и къ его *покровительству* въ изданіи журнала—„Вопросы философии и психологіи“, т.-е. двухъ *постоянныхъ органовъ*, посвященныхъ развитію и распространенію философской науки въ нашемъ отечествѣ. Къ этому слову сочувствія я позволю себѣ еще присоединить скромное *выраженіе надежды*, что „Общество“ въ своей дѣятельности на пользу философіи будетъ высоко держать знамя разума, какъ *высшей инстанціи* въ дѣлѣ философскаго и всяческаго знанія и неослабно отстаивать право этого разума на обладаніе *высшими критеріями* какъ въ вопросѣ бытія, или дѣйствительности и возможности, такъ и въ вопросѣ истиннаго міропониманія и мірообъясненія.

А. Козловъ.

Кievъ.
14-го іюля 1889 года.